

Егор Синьюкович

М.У.З.Е.Й. – Хроники часть первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Синьюкович

М.У.З.Е.Й. – Хроники
часть первая

«Автор»

2026

Синьюкович Е.

М.У.З.Е.Й. – Хроники часть первая / Е. Синьюкович — «Автор»,
2026

Организация М.У.З.Е.Й. - «Мониторинг Уникальных Зон и Естественных Аномалий» - осуществляет контроль над аномальными явлениями на территории Российской Федерации с 2011 года по настоящее время. Её деятельность постоянно сталкивается с противодействием со стороны радикального культа, называющего себя «Слияние». 11 июня 2031 года культисты осуществляют дерзкий захват нескольких посёлков и городов в *ЗАСЕКРЕЧЕНО* области. Государственные структуры немедленно блокируют информацию о случившемся, объявляя территорию зоной проведения антитеррористической операции. Отряд специального назначения организации М.У.З.Е.Й. начинает штурм посёлка, в центре которого находится заброшенная психиатрическая клиника, превращённая сектантами в свою главную цитадель.

© Синьюкович Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Синьюкович

М.У.З.Е.Й. – Хроники часть первая

М. У. З. Е. Й.

Введение

Организация М.У.З.Е.Й. — «Мониторинг Уникальных Зон и Естественных Аномалий» — осуществляет контроль над аномальными явлениями на территории Российской Федерации с 2011 года по настоящее время. Её деятельность постоянно сталкивается с противодействием со стороны радикального культа, называющего себя «Слияние».

11 июня 2031 года культисты осуществляют дерзкий захват нескольких посёлков и городов в ЗАСЕКРЕЧЕНО области. Государственные структуры немедленно блокируют информацию о случившемся, объявляя территорию зоной проведения антитеррористической операции. Отряд специального назначения организации М.У.З.Е.Й. начинает штурм посёлка, в центре которого находится заброшенная психиатрическая клиника, превращённая сектантами в свою главную цитадель.

Глава 1. В плену

Я пришёл в сознание от пронизывающего холода и тупой боли во всём теле. Руки были заведены за спину и скованы тяжелыми кандалами, цепь от которых уходила вверх, намертво приковывая меня к сырой каменной стене. Я находился явно под землёй, в тесной камере за ржавой решёткой. Воздух здесь был спёртым, пропитанным отвратительной смесью запахов гнили, немытых тел и хлорки.

Вместе со мной в клетке сидел человек. Вернее, то, что от него осталось. Он забился в самый тёмный угол камеры, сжавшись в комок, и трясся мелкой дрожью при каждом шорохе. Его взгляд был абсолютно пустым, устремлённым в одну точку, а из горла вырывался лишь тихий, монотонный скулёр.

Попытка заговорить с ним ни к чему не привела — он просто не реагировал. Тогда я вспомнил об энергетическом батончике, который чудом остался у меня в кармане после захвата. Шуршание упаковки привлекло его внимание. Он медленно повернул голову, как дикое животное, почуявшее еду. Когда я бросил ему батончик, он метнулся вперёд, схватил его и тут же, судорожно разрывая упаковку зубами, отполз обратно в свой угол. Надежда на помощь таяла с каждой секундой. Это было безнадежно.

Спустя примерно час тишину нарушил лязг металла. Дверь в камеру открылась, впуская двоих культистов в грязных балахонах. Мой сокамерник, увидев их, словно обезумел. С нечеловеческим воплем он бросился прямо на охранников в отчаянной попытке вырваться на свободу. Один из них толкнул его, и бедняга кубарем покатился обратно в свой угол. Второй подошёл и с силой ударил его тяжёлым ботинком под рёбра, пресекая любую мысль о повторном побеге.

Затем всё их внимание переключилось на меня. Они принялись методично избивать меня, целясь в живот и солнечное сплетение. Их лица скрывали капюшоны, но я чувствовал исходящую от них холодную ярость.

— Где он?! — хрипло рычал один из них, нанося очередной удар. — Говори! Где он?!

Я мог лишь хрипеть в ответ, сплёвывая кровь:

— Я-я... не знаю... о чём вы...

Но мои слова их не останавливали. Боль была невыносимой, она волнами расходилась по телу, лишая дыхания и сознания. Казалось, это длилось вечность.

Наконец, устав от бессмысленного избиения, они ушли, оставив меня корчиться на полу от боли.

Шансов на спасение не было. Ключей нет, сил тоже. Но вдруг я услышал ритмичные шорохи. Тот самый безумец, мой сосед по камере, перестал трястись. Он медленно полз ко мне, протягивая руку. В его ладони лежал ключ от моих оков. Я понял: когда его отбросили назад, он успел стащить связку ключей с пояса одного из охранников.

Радость придавала мне сил. Как только тяжёлые кандалы упали на пол, я, пошатываясь, поднялся и неловко обнял этого истощённого парня. Не зная, как ещё выразить благодарность, я начал машинально чесать его спутанные волосы, словно гладил преданного пса. И тогда случилось невероятное: на его измождённом, грязном лице впервые промелькнула робкая, почти детская улыбка. Было очевидно, что человеческого в нём осталось ничтожно мало, но всё же неизмеримо больше, чем в тех фанатиках, что нас поймали.

У нас появился шанс. Ключи от решётки теперь были у нас в руках. Нужно было бежать.

Глава 2. Дорога наверх

Ключ дрожал в моих пальцах. Не только от слабости — от нервного, почти животного возбуждения, которое захлестнуло меня после осознания: мы ещё живы, и у нас есть шанс. Я сжал металл так, что бороздки впились в ладонь. Боль помогла сосредоточиться.

— Тихо, — прошептал я сокамернику, хотя он и так не издавал ни звука.

Он сидел на корточках у стены, обхватив себя руками, и следил за мной взглядом, в котором читалась смесь страха и странного, собачьего доверия. Того самого, что появилось после моего неловкого жеста с поглаживанием. Теперь он ждал, что я скажу, что делать дальше. Ответственность за нас обоих неприятно легла на плечи.

Решётка поддавалась не сразу. Я вставил ключ в замочную скважину, провернул — механизм внутри заскрежетал, издав такой пронзительный звук, что мы оба замерли. Секунда, две, пять. Тишина. Только где-то глубоко в недрах этого каменного мешка мерно капала вода. Я выдохнул и повернул ключ до упора. Засов отошёл с мягким, утробным лязгом.

Дверь открылась.

Коридор встретил нас крошечной тьмой и запахом — куда более густым и тошнотворным, чем в камере. К запаху сырости и гнили примешивался новый оттенок: сладковатый, приторный аромат разлагающейся плоти. Мой спутник за моей спиной издал тихий, скулящий звук и вцепился пальцами в край моей грязной рубахи.

— Не отставай, — бросил я через плечо. — И смотри под ноги.

Идти пришлось почти на ощупь. Редкие, забранные ржавой сеткой лампы под потолком едва тлели, давая ровно столько света, чтобы различать контуры. Наш путь лежал через узкий проход, стены которого были покрыты каким-то тёмным, бугристым налётом. Я старался не думать о том, что это может быть.

Первое тело мы увидели шагов через двадцать.

Оно лежало прямо посреди коридора, привалившись спиной к стене. Мужчина в истлевшей гражданской одежде. Глаза — пустые провалы, рот распахнут в беззвучном крике. Плоть на лице оплыла, обнажив кости, а кожа приобрела цвет старого воска. Я заставил себя пройти мимо. Мой спутник, напротив, замедлился, разглядывая мертвеца с каким-то жутким, нездоровым любопытством. Пришлось дёрнуть его за рукав.

Дальше — хуже. Крысы. Они облепили раздутый труп женщины в изорванном больничном халате, копошились, пищали, совершенно не боясь нашего присутствия. Жирные, лоснящиеся твари размером с кошку. Одна из них, самая наглая, повернула морду в нашу сторону, сверкнув глазами-бусинами, и зашипела, не выпуская из зубов то, о чём мне не хотелось знать. Мой спутник вздрогнул и прижался ко мне. Я чувствовал, как его трясёт.

— Не смотри на них, — приказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем на самом деле. — Идём.

Мы миновали ещё две такие же камеры, как наша. Пустые. В одной валялись цепи и засохшие пятна на полу. В другой — груда костей, явно не первой свежести. Этот подвал был склепом, и мы в нём были, похоже, единственными живыми обитателями.

В конце коридора показалась дверь. Обычная деревянная дверь, обитая железными полосами, из-под которой пробивалась полоска жёлтого света. Оттуда же доносились голоса. Грубые, гортанные, перемежаемые редким смехом голоса охранников.

Я приник к замочной скважине. Комнатушка метра три на три: стол, заваленный грязной посудой и объедками, два колченогих стула, на стене — подвешено мачете. На столе, в окружении бутылок с мутным пойлом, чадил огарок свечи. Двое культивистов. Те самые, что избивали меня час назад. Сейчас они были без балахонов, в одних застиранных штанах и пропотевших майках. Один, коренастый бородач, развалился на стуле, лениво ковыряя ножом что-то в консервной банке. Второй, тот, что бил меня с особой жестокостью — жилистый, с татуировкой в виде змеи, обвивающей шею, — стоял, облокотившись на стену у самого входа.

Я отстранился и повернулся к спутнику. Времени на долгие объяснения не было.

— Слушай меня! — зашептал я, стараясь говорить как можно чётче и без лишних слов. — Ты сейчас откроешь дверь. Толкнёшь её на себя. Резко. И сразу кричи. Громко, как тогда в камере. Кидайся на них. Только на секунду. Понял? Отвлеки их.

Он моргнул. В пустых глазах на мгновение вспыхнула искра понимания. Он кивнул. Медленно, неуверенно, но кивнул.

— Хорошо. Я пойду сразу за тобой.

Я толкнул дверь сам — она оказалась не заперта. Мой сокамерник, повинуясь инстинкту, который оказался сильнее его помутнённого рассудка, с тем самым леденящим душу воплем, от которого у меня самого кровь застыла в жилах, ворвался в каморку.

Эффект был мгновенным. Бородач выронил банку и вскочил, опрокинув стул. Жилистый резко развернулся, потянувшись к чему-то на поясе. Их внимание полностью переключилось на оружий, размахивающий руками скелет, ворвавшийся в их логово.

Мне нужна была секунда. Я вошёл сразу за ним, тихо, как тень.

Взгляд мгновенно обшарил комнату в поисках оружия. И оно нашлось. На стене висело мачете. Инструмент, явно хозяйственный, но оттого не менее смертоносный. Широкое лезвие, чёрная резиновая рукоять, заляпанная какими-то бурыми пятнами.

Я сорвал его с гвоздя.

Жилистый уже оттолкнул моего безумного товарища в сторону и начал разворачиваться ко мне. В его руке блеснул нож. Но я был быстрее. Удар пришёлся по диагонали, от шеи к ключице. Мачете вошло в плоть с отвратительным влажным хрустом, разрубая мышцы и связки. Кровь плеснула на стену, на стол, на свечу, зашипев на воске. Жилистый захрипел, но я уже не смотрел на него.

Бородач взревел и бросился вперёд, выставив руки, пытаясь сгрести меня в охапку. Он был тяжелее и сильнее, но уступал в скорости. Я шагнул вбок, пропуская его мимо, и обрушил мачете на его затылок. Удар вышел смазанным, но силы хватило, чтобы он по инерции врезался головой в косяк двери и рухнул на пол лицом вниз. Второй удар, контрольный, я наносить не стал. Оглушён.

В комнате повисла тишина. Только потрескивала свеча, залитая кровью, да мой спутник, забившись в угол, тихонько подвывал, раскачиваясь взад-вперёд.

— Всё, — выдохнул я, с трудом разжимая сведённые судорогой пальцы. — Всё закончилось.

Руки дрожали. Пальцы, сжимавшие липкую рукоять, никак не хотели расслабляться. Я давно не убивал человека так. Мне уже позабылось, как сражаться с врагом лицом к лицу, чувствуя, как лезвие кромсает живую плоть. Но времени на рефлексию не оставалось.

В каморке нашлась моя куртка — грязная, но целая. Фляга с водой. И, что было настоящей удачей, небольшой тактический фонарь. Я сделал несколько жадных глотков, заставил попить своего спутника, и мы двинулись дальше, к лестнице, ведущей наверх.

Выход на поверхность находился в конце лестничного пролёта. Тяжёлая, обитая железом дверь была приоткрыта. Сквозь щель тянуло свежим воздухом — пьянящим, холодным, пахнущим гарью.

Я толкнул дверь, и мы вышли наружу.

Над посёлком стояла ночь. Холодная, ясная, с россыпью звёзд. На секунду я замер, жадно глотая чистый воздух после вони подземелья. Но запах гари быстро вернул меня к реальности.

Площадь перед нами напоминала картину из древнего, жестокого ритуала. Столбы. Сноп оранжевого пламени. Привязанные человеческие фигуры, объятые огнём. Монотонное пение фигур в балахонах, которые деловито подтаскивали хворост к пустым столбам, готовя новые костры.

Мой спутник застыл, издав тихий горловой звук — не то всхлип, не то скулёж. Его разум явно не справлялся с увиденным, да и мой балансировал на грани. Но не из-за самого зрелища. Вернее, не только из-за него.

Потому что я уже видел подобное.

Шесть лет назад. Филиппины. Забытая богами рыбацкая деревушка на острове Минданао, куда наш отряд М.У.З.Е.Й. отправили по наводке местных властей. Тогда тоже был культ. Другой — они поклонялись не огню, а воде. Точнее, тому, что жило в воде. Они выводили в открытое море лодки с мертвецами. Тела не жгли — их отравляли. Наполняли какой-то дрянью, от которой плоть разлагалась особым образом, источая в толщу воды специфический запах. Приманка.

А потом оно поднималось из бездны.

Я видел это собственными глазами. Нечто, что нельзя описать словами, не скатываясь в бред сумасшедшего. Огромная тень под чёрной водой, всплывающая медленно, неотвратно. Вода вскипала, лодки переворачивались, трупы исчезали в бездонной пасти. Я думал, что оставил тот кошмар в прошлом.

И вот теперь он вернулся. Только декорации сменились: вместо океана — тайга, вместо воды — огонь. Но суть та же. Очередная паства безумного бога, готовая скормить ему людей.

— Это то же самое, — прошептал я, не замечая, что говорю вслух. — Просто другой алтарь.

Мой спутник дёрнул меня за рукав, выводя из оцепенения. Я посмотрел на мачете в своей руке — жалкий кусок стали против целого посёлка фанатиков — и сунул его за пояс.

Бежать. Сейчас важно было только это. Потому что я слишком хорошо помнил, чем заканчиваются подобные ритуалы, когда тварь наконец приходит за своей данью.

Глава 3. «Беги, папа»

Мы двигались перебежками, прижимаясь к стенам покосившихся домов. Пение культивистов на площади становилось всё громче, ритмичнее — они входили в экстатический раж. Я старался не смотреть в сторону костров, но запах горящей плоти преследовал нас, въедаясь в одежду, в волосы, в самую душу.

Первый же дом, к которому мы подобрались, выглядел нежилым. Дверь сорвана с петель, окна выбиты. Внутри — хаос из перевёрнутой мебели и битого стекла. Хозяевам явно не дали времени на сборы. Я уже собирался уходить, когда заметил его.

Старик лежал в углу гостиной, скрючившись неестественным образом. Его лицо было искажено предсмертной мукой, а пальцы всё ещё сжимали старенькое двуствольное ружьё. Вертикалку с потрескавшимся прикладом и, что сразу бросилось в глаза, повреждённым стволом — конец правого был смят, словно по нему ударили чем-то тяжёлым. Старик, видимо, пытался защищаться. Неудачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.